

Научная статья

УДК 340.15

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).239-246

EDN YUCVMA

Правовой режим добычи угля на Сахалине в XIX веке

Владимир Викторович Синиченко

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

v.v.sinichenko@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9384-2175>

Вероника Вячеславовна Зудаева

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

veronikaz2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3505-1778>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу уникального правового режима угледобычи на острове Сахалин в XIX веке, сформировавшегося под влиянием пограничного статуса территории, использования его как главной каторги Российской империи и военно-стратегических интересов государства на Дальнем Востоке. Цель исследования – выявить специфику и эволюцию правовых условий разработки угольных месторождений, которые представляли собой симбиоз государственной монополии, ведомственного управления и ограниченных попыток привлечения частного капитала. На основе анализа законодательных актов, официальных отчетов, документов, а также свидетельств современников и данных историографии авторы прослеживают три основных этапа: первоначальное освоение в условиях правовой неопределенности (до 1875 года), утверждение казенной монополии с опорой на принудительный труд каторжан (1875–1880-е годы) и попытки либерализации в конце века. Особое внимание уделено динамике правового регулирования допуска иностранного капитала, изменению статуса каторжан как рабочей силы, а также соотношению Горного устава и тюремного законодательства. Методология включает историко-правовой и сравнительно-исторический анализ. Результаты исследования показывают, что доминирующим на протяжении всего периода оставался государственно-каторжный режим, который, обеспечив начальные освоение месторождений, одновременно стал главным тормозом для эффективного промышленного развития отрасли из-за низкой производительности труда, административных барьеров и неустойчивости прав частных инвесторов. Делается вывод о том, что ключевыми детерминантами правового режима выступили стратегическая важность угля для флота, пенитенциарная функция острова и слабость частного предпринимательства на окраинах империи, а заложенные в XIX веке правовые проблемы предопределили сложности развития угольной промышленности Сахалина и в последующие периоды. Предложена периодизация изменений правового режима, выявлены его системные противоречия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

каторга, государственная монополия, Горный устав, принудительный труд, частный капитал, иностранные инвестиции, Дальний Восток

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Синиченко В.В. Правовой режим добычи угля на Сахалине в XIX веке / В.В. Синиченко, В.В. Зудаева. – DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).239-246. – EDN YUCVMA // Академический юридический журнал. – 2026. – Т. 27, № 2. – С. 239–246.

Original article

Legal regime of coal mining in Sakhalin in the 19th century

Vladimir V. Sinichenko

Baikal State University, Irkutsk, Russia

v.v.sinichenko@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9384-2175>

Veronika V. Zudaeva

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

veronikaz2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3505-1778>

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the unique legal regime of coal mining on Sakhalin island in the 19th century, which was formed under the influence of the territory's border status, its use as the main penal colony of the Russian Empire and the military-strategic interests of the state in the Far East. The purpose of the study

© Синиченко В.В., Зудаева В.В., 2026

is to identify the specifics and evolution of the legal conditions for the development of coal deposits, which were a symbiosis of state monopoly, departmental management and limited attempts to attract private capital. Based on the analysis of legislative acts, official reports, documents, as well as contemporary testimonies and historiographical data, the authors trace three main stages: initial development in conditions of legal uncertainty (before 1875), the establishment of a government monopoly based on forced labor of convicts (1875–1880s) and attempts at liberalization at the end of the century. Special attention is paid to the dynamics of the legal regulation of the admission of foreign capital, the change in the status of convicts as a labor force, as well as the relationship between Mining Regulations and prison legislation. The methodology includes historical-legal and comparative-historical analysis. The results of the study show that the state penal regime remained dominant throughout the entire period, which, having ensured the initial development of deposits, simultaneously became the main obstacle to the effective industrial development of the industry due to low labor productivity, administrative barriers and the instability of the rights of private investors. It is concluded that the key determinants of the legal regime were the strategic importance of coal for the fleet, the island's penitentiary function and the weakness of private enterprise on the outskirts of the empire. The legal problems inherent in the 19th century predetermined the difficulties of developing Sakhalin's coal industry in subsequent periods. The periodization of changes in the legal regime is proposed, and its systemic contradictions are revealed.

KEYWORDS

penal servitude, state monopoly, Mining regulations, forced labor, private capital, foreign investments, the Far East

FOR CITATION

Sinichenko V.V., Zudaeva V.V. Legal regime of coal mining in Sakhalin in the 19th century. *Akademicheskii yuridicheskii journal = Academic Law Journal*. 2026;27(2):239–246. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(2).239-246. EDN: YUCVMA.

Введение

История промышленного освоения Сахалина в XIX веке неразрывно связана с разработкой его угольных месторождений. Однако процесс этот протекал в уникальных правовых условиях, определявшихся пограничным статусом острова, его использованием как места каторги и ссылки, а также стратегическими интересами Российской империи на Дальнем Востоке. Правовой режим сахалинской угледобычи представлял собой сложный симбиоз государственной монополии, ведомственного управления и попыток привлечения частного капитала [1, с. 97]. В отличие от европейской части России, где горное законодательство постепенно эволюционировало в сторону свободы предпринимательства, на Сахалине доминировали административно-командные методы, подкрепленные особым статусом территории.

Актуальность изучения правового режима добычи угля на Сахалине в XIX веке обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, это позволяет понять механизмы государственного регулирования экономики на окраинах империи в условиях совмещения колонизационных, пенитенциарных и военно-стратегических задач. Во-вторых, анализ эволюции правовых норм (от правовой неопределенности через запрет иностранного капитала к вынужденной либерализации и новым ограничениям) раскрывает внутренние противоречия имперской модернизации. В-третьих, исторический опыт правового регулирования недропользования

в экстремальных условиях (удаленность, каторжный труд, приграничное положение) может быть востребован при разработке современной политики в отношении аналогичных территорий. Наконец, исследование помогает преодолеть фрагментарность в описании правовых аспектов угледобычи, которые ранее рассматривались преимущественно в контексте экономической или пенитенциарной истории, без системного анализа изменений самого правового режима. Данная работа восполняет этот пробел, предлагая периодизацию и характеристику трансформаций правового регулирования.

Источником для написания работы послужили нормативно-правовые акты Российской империи, а также книги современников (А.П. Чехов «Остров Сахалин» (1895), В.М. Дорошевич «Сахалин. Каторга» (1903) где содержатся детальные наблюдения за бытом каторжан и ссыльнопоселенцев, в том числе главы о работе в угольных коях Дуэ, описание условий труда и правового бесправия работников [2; 3].

Работа А.Я. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур и остров Сахалин в дорожных заметках» (1871) содержит ранние свидетельства о начале систематической угледобычи на острове [4].

Современные монографические труды представлены исследованиями Н.А. Попова «Экономическое развитие Российского Дальнего Востока в XIX – начале XX вв.» (1980) [5] и М.Б. Сердюк «Угольная промышленность Сахалина (1867–2007)» (2007) [6]. Хотя диссертация

последней охватывает более широкий период, она содержит историческую часть с анализом начального этапа.

Из иностранных работ хотелось бы выделить труд Ф.К. Коулина «La Sibérie: peuplement et immigration paysanne au XIXe siècle» (1969). Это французский взгляд на колонизацию, включая сахалинскую каторгу [7].

Анализ этих исследований показал, что на Дальнем Востоке развитие угольной отрасли на этапе зарождения имело ряд особенностей, не свойственных западным районам, и определялось не только экономическими, но и военно-стратегическими интересами.

После присоединения к Российской империи территорий Приморья и Приамурья приоритетной задачей их освоения и инкорпорации в единое экономическое пространство стало вовлечение в хозяйственный оборот местных природных богатств. Уголь стал одной из основных точек роста региональной экономики, обеспечивающих концентрацию трудовых и финансовых ресурсов. Зарождение угледобычи на Дальнем Востоке, относящееся еще к 1850-м годам, естественным образом пришлось на период, когда в регионе отсутствовал не только существенный спрос на минеральное топливо со стороны немногочисленного населения, но и какая-либо частная инициатива, готовая направить средства на разработку месторождений. Однако практически сразу после обнаружения залежей каменного угля на о. Сахалин и в Приморье началась их эксплуатация, ключевую роль в которой сыграло российское военноморское ведомство [8, с. 35, 41, 42].

С 1852 по 1862 год суммарно были обследованы четыре угленосных района, на трех из них в 1862 году силами военных моряков для нужд Сибирской флотилии уже велась добыча: Дуэ на Сахалине, залив Посыета и долина реки Раздольной в Приморье [8, с. 42].

Вплоть до начала 1870-х годов военные суда и мастерские адмиралтейства в Николаевске оставались единственными потребителями каменного угля на Сахалине, хотя тот и оставался официально островом, не входившим полностью в российскую юрисдикцию.

Результаты исследования

До подписания Санкт-Петербургского договора 1875 года, по которому Сахалин полностью перешел к России, остров находился в совместном владении с Японией. Это создавало правовую неопределенность и сдерживало масштабные инвестиции. Добыча угля, начатая еще

в 1850-х годах на дуэских месторождениях (район современного Александровска-Сахалинского), носила эпизодический характер и велась, в основном, для нужд судов Российско-Американской компании и Сибирской флотилии. На этом этапе режим был де-факто «государственно-ведомственным». Добычу организовывало морское ведомство силами матросов, а затем — первых каторжан. Никакого специального горного законодательства для Сахалина не существовало, а общероссийские Горный устав и правила о недрах применялись фрагментарно из-за удаленности и особого статуса территории.

В связи со стремлением региональной администрации снабжать русскую Тихоокеанскую эскадру местным топливом в первой половине 1870-х годов на территории Сахалина, а затем Приморья вновь активизируются геологические изыскания, в которых на первых порах приняли участие иностранные предприниматели.

Дело в том, что в 1863 и 1865 годах началось снятие сословных ограничений на право ведения торгово-промышленной деятельности, окончательно устраненные с принятием Положения о государственном промысловом налоге 1898 года. Только тогда для иностранцев отпала необходимость приписки к купеческому сословию для занятия предпринимательством.

Иностранный капитал предпринял попытку закрепиться в угледобыче в 1868 и 1869 годах. Тогда американская и английская фирмы получили разрешение на разработку двух угленосных участков на Сахалине, в том числе в Дуэ [9, с. 254].

Вскоре до 1871 года было получено в общей сложности около 40 просьб от иностранных предпринимателей о добыче сахалинских каменных углей, которые благодаря своим техническим качествам имели благоприятные перспективы для разработки копий с целью последующего сбыта угля на внешних рынках: в портах Японии, Кореи и Китая [10, с. 18].

Кроме того, как пишет иркутский исследователь А.А. Распопина, активно использовавшийся во второй половине XIX века паровой речной транспорт в Западной и Восточной Сибири нуждался в разработке угольных месторождений именно на востоке Российской империи. Создание единого водного пути параллельно гужевому Московскому тракту стало важной торгово-промышленной задачей для реализации которого в Сибири и на Дальнем Востоке планировалось вести добычу угля [11, с. 361].

Несмотря на очевидную необходимость привлечения частных инвестиций в одну из са-

мых капиталоемких отраслей, в 1872 году был установлен запрет на деятельность зарубежных компаний на острове. Возвращение рудников в казенную собственность сопровождалось передачей их в ведение Министерства внутренних дел. Установление официального запрета на деятельность иностранного капитала на Сахалине было продиктовано в первую очередь неэкономическими соображениями [12, с. 124].

Главной причиной принятия такого решения в 1872 году стала сенатская ревизия на Сахалине генерал-адъютанта И.Г. Сколково.

Она выявила массовые злоупотребления: иностранные предприниматели получали концессии через подкуп чиновников, а казенные копи работали в убыток. По данным комиссии, себестоимость угля выросла с 3 рублей 10 копеек за тонну в 1868 году до 5 рублей в 1871-м, а производительность каторжан была крайне низкой¹. Итогом ревизии стал временный запрет (1872) на деятельность иностранного капитала на Сахалине, что кардинально изменило правовой режим, исключив частную инициативу на следующее десятилетие.

После обретения полного контроля над островом (1875) царское правительство окончательно утвердило режим государственной (казенной) монополии на добычу угля. Это было продиктовано тремя факторами: военно-стратегическим (уголь – стратегическое сырье для парового флота), пенитенциарным (Сахалин – центральная каторга, угольные копи – главное место приложения труда осужденных) и колониальным (освоение острова через административно-командные методы). Правовое регулирование осуществлялось в первую очередь тюремным, а не горным законодательством. Управление копиями было возложено на Особое отделение Губернского правления по управлению каторгой, подчиненное Министерству внутренних дел (ане Горному департаменту). Юридический статус каторжан исключал понятие свободного найма, их труд был принудительным и почти не регламентировался трудовым правом [8, с. 45].

Попытка привлечь частный капитал через аренду дуйских копей предпринимателем Я.Н. Бутковским, а затем обществом «Сахалин» (1876) не изменила сути режима. Условия аренды обязывали использовать не менее 400 каторжан, продавать уголь флоту по твердым ценам и пла-

тить особый сбор. Это привело к убыточности: к 1890 году задолженность перед казной достигла 20 тысяч рублей, добыча не достигала плановых показателей, техническая модернизация не проводилась. Правовой режим, таким образом, создавал «ловушку»: частный инвестор нес расходы, но не получал ни свободы найма, ни гарантий долгосрочных прав [13, с. 19].

На протяжении долгого времени работа акционерного общества «Сахалин» являлась низкорентабельной. Стабильно ниже оговоренного договором оставался уровень добычи, только на 14-й год деятельности была преодолена отметка в 600 тысяч пудов, предусмотренная условиями аренды [8, с. 45].

Льготы, предоставленные акционерному обществу (право бесплатного пользования имуществом, постройками и лесом для нужд предприятия), не могли изменить общего положения к лучшему: значительная часть прибыли уходила на покрытие производственных расходов, в результате чего долгое время модернизация шахт совсем не проводилась. Еще одной важной причиной слабой постановки угольного дела на Сахалине являлся острый дефицит рабочей силы вообще и квалифицированной в особенности. Хотя Дуйский пост в этот период и стал крупнейшим сосредоточием осужденных на острове (82 %), в сложившихся условиях восполнить за счет количества качественные характеристики данной категории рабочих было невозможно. Каторжный труд при полном отсутствии горнотехнического надзора и каких-либо приспособлений отличался крайне низкой производительностью и примитивностью, максимальное выполнение норм достигало 70 %. Осужденные вручную вели вырубку и подъем угля, ползком таскали нагруженные санки по подземным коридорам шахт; лежа, скривив шею, впереди себя продавливали в угольном пласту такой проход, чтобы мог пролезть только один человек [14, с. 73, 78].

К рубежу 1880–1890-х годов неэффективность казенной монополии стала очевидной. Производительность каторжан была в два раза ниже, чем в среднем по стране, качество угля часто не соответствовало требованиям флота. Правительство начало осторожную либерализацию. В 1887 году были приняты новые Устав Торговый и Устав о промышленности, которые разрешали иностранцам открывать фабрики и заводы без вступления в подданство (статья 177) [13, с. 22]. Горный устав (статьи 263, 432, 547) провозгласил равенство российских и иностранных подданных в горной промышленности [13, с. 23].

¹ Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. Д. 61. К. 2102. Л. 8, 10, 14.

При этом не надо забывать, что в дореволюционном законодательстве право на ведение промыслов не совпадало с правом на владение недрами и землями, на которых были расположены месторождения. Специальные законодательные акты вводили ограничения или запрещали владение недвижимостью и занятие некоторыми видами предпринимательской деятельности в отдельных регионах Российской империи. Действовали ограничения и на практике: иностранцам запрещалось владеть недвижимостью в пограничных зонах.

В 1887 году были утверждены «Правила о частной горной промышленности на казенных землях», разрешавшие частный горный промысел (включая иностранцев) в крае. Но уже в 1892-м вновь последовал запрет для иностранных подданных на горный промысел в Приморской области и на Сахалине. Однако приток капиталов резко сократился, и правительство пошло на послабления: Указ от 6 июля 1895 года разрешил Комитету министров в виде исключения допускать иностранцев к горному промыслу в этих регионах. В соответствии с этим указом в 1895–1900 годах горным промыслом разрешили заниматься целому ряду иностранных предпринимателей, при этом каждый раз они получали при обращении специальное разрешение Комитета Министров. Это американцы Д. Кларксон, И.С. Эмери, Ч. Пюрингтон, француз Э. Леват, бельгиец Ф.А. Масс в компании с германским подданным Рейе, а также швейцарец Ю.И. Бринер, основавший в 1899 году компанию «Общество изысканий в Северо-Восточной Сибири» с основным капиталом в 200 тысяч фунтов стерлингов².

За три года (1896–1899) 13 иностранных предпринимателей воспользовались этим примечанием, чтобы вложить капиталы в горную промышленность Дальнего Востока на территории земель, которые входили в перечень пограничных [15, с. 116].

В это время были сделаны осторожные шаги по дальнейшей либерализации экономического законодательства.

Государство начало сдавать небольшие участки или отдельные пласты в аренду частным лицам и компаниям (например «Сахалинскому товариществу»). Однако арендные условия были обременительными, а права недропользователей – неустойчивыми.

Произошло введение вольного найма. Рядом с каторжанами стали работать вольнонаемные рабочие, чей труд регулировался общими нормами Российской империи, что создавало дуализм правового регулирования на одном предприятии.

Неоднократно обсуждался вопрос о полной передаче копей в частные руки, но военное ведомство и консервативные чиновники блокировали эти инициативы, опасаясь утраты контроля.

К примеру, в 1897 году созданная для обследования Дуэ комиссия признала наиболее целесообразным возвращение предприятия в казну и передачу его тюремному ведомству. Основным мотивом данного решения послужило наличие числившихся за акционером недоимок на сумму 135 990 рублей. Стоит предположить, что еще одной, не менее важной, причиной желания изъять Дуйские копи являлось качество углей данного месторождения. В 1890-е годы сложилась необычная ситуация, когда казенные рудники на острове, находившееся в ведении МВД, для своих внутренних нужд не использовали уголь, добытый на собственных шахтах, а предпочитали брать исключительно дуйский, обладавший более высокими потребительскими характеристиками³.

Несмотря на кризисное состояние угольной отрасли на Сахалине, увеличение топливных потребностей, вызванное возрастающими проблемами с заготовкой дров на острове и необходимостью обеспечения военных судов, обусловило дальнейшее расширение географии добычи: в 90-х годах XIX века тюремное ведомство развернуло работу на Александровском и Владимирском рудниках, а компания И.О. Маковского начала эксплуатацию 36 месторождений на реках Мгачи и Сортунай [16, с. 75, 76].

Предприятия государственного сектора достаточно быстро заняли лидирующую позицию: уже в 1896 году их суммарная добыча составила 641 тысячу пудов, в то время как частновладельческих – 448 тысяч пудов, т.е. в 1,4 раза меньше [10, с. 111].

Поэтому российские власти отходят от политики предоставления всем частным предпринимателям права на промышленные работы в регионе.

Указом от 17 июля 1901 года в Приморской области была закрыта для частного горного промысла (как иностранного, так и русского) 100-верстная полоса по побережью, начиная от корейской границы [17, с. 100, 101].

² Архив внешней политики Российской империи (Москва). Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1054. Л. 1.

³ Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 55. Л. 7.

На основании этого положения иностранным предпринимателям было запрещено заниматься в пределах 100-верстной приграничной территории горным, золотым и нефтяным промыслом (статьи 257–259, 267 Устава Горного, по прод. 1906 года). Таким образом и остров Сахалин выводился из сферы приложения иностранного капитала⁴.

С учетом того, что максимальная ширина Сахалина составляла 150 верст, и большинство известных на тот момент угольных месторождений Дальнего Востока располагались поблизости от побережья, реализация данного закона привела к почти полному сворачиванию деятельности частновладельческих рудников на Сахалине и замедлению роста объемов производства в Приморье.

Отметим, что в 1900 году суммарно в Приморье и на Сахалине было добыто 70 455 тонн или 0,64 % от общероссийского показателя [10, с. 112].

Тем не менее за полвека было положено начало изучению угольных ресурсов Дальнего Востока, определены наиболее перспективные месторождения, создана минимальная инфраструктура для дальнейшей их эксплуатации. Решающую роль на этапе зарождения региональной отрасли сыграло морское ведомство, являвшееся и инициатором начала разработок угля, и главным потребителем. Необходимость же обеспечения в первую очередь военно-стратегических, а не экономических задач обусловила нехарактерно высокое для имперского периода участие государства в развитии угледобычи.

Заключение

Таким образом, мы можем выделить несколько этапов развития угледобычи на Сахалине:

1. Этап первоначального освоения и неопределенности (до 1875 года).

До подписания Санкт-Петербургского договора 1875 года, по которому Сахалин полностью перешел к России, южная часть острова находилась в совместном владении с Японией. Это создавало правовую неопределенность и сдерживало масштабные инвестиции. Добыча угля, начатая еще в 1850-х годах на дуэских месторождениях (район современного Александровска-Сахалинского), носила эпизодический характер и велась, в основном, для нужд военных судов Российско-Американской компании и Сибирской флотилии.

На этом этапе режим был де-факто «государственно-ведомственным». Добычу организовывало морское ведомство силами матросов, а затем – первых каторжан. Никакого специального горного законодательства для Сахалина не существовало, а общероссийские Горный устав и правила о недрах применялись фрагментарно из-за удаленности и особого статуса территории.

2. Установление казенной монополии и каторжный труд (1875–1880-е годы).

После обретения полного контроля над островом царское правительство окончательно утвердило режим государственной (казенной) монополии на добычу угля. Это было продиктовано несколькими факторами:

– военно-стратегический: уголь был стратегическим сырьем для парового флота, и государство стремилось контролировать его поставки;

– пенитенциарный: Сахалин стал центральной каторгой России. Угольные копи рассматривались как ключевое место приложения труда каторжан, что должно было обеспечить рентабельность содержания поселенцев и окупить затраты на инфраструктуру;

– колонизационный: освоение острова виделось возможным лишь через административно-командные методы.

3. Попытки либерализации и привлечения частного капитала (конец XIX века).

К 80–90-м годам XIX века неэффективность казенной монополии, основанной на труде каторжан, стала очевидной. Производительность была крайне низкой, качество угля часто не соответствовало требованиям флота, а техническое развитие копей практически отсутствовало. Это заставило правительство искать новые правовые модели.

Несмотря на эти попытки, доминирующим правовым режимом до конца XIX века оставался государственно-каторжный. Частный капитал, не имевший гарантий долгосрочных прав и сталкивавшийся с административными барьерами и конкуренцией с дешевым каторжным трудом, не спешил масштабно инвестировать в сахалинскую угольную промышленность.

Итак, правовой режим угледобычи на Сахалине в XIX веке представлял собой уникальный для Российской империи гибридный административно-каторжной системы с элементами государственного капитализма. Он был сформирован под влиянием трех ключевых факторов: стратегической важности угля для парового флота, использования острова как места ссылки и слабости частного предпринимательства на

⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 134. Л. 9.

дальневосточных окраинах. Этот режим обеспечил начальное освоение месторождений, но в силу опоры на принудительный труд стал главным тормозом для эффективного промышленного развития сахалинской угольной отрасли. Проблемы, заложенные правовой системой

XIX века, — гипертрофированная роль государства, неустойчивость прав частных инвесторов, слабая интеграция в общероссийское законодательство — во многом предопределили сложности, с которыми отрасль столкнулась и в последующие периоды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях / И.А. Дьяконова. — Москва : Наука, 1999. — 368 с.
2. Чехов А.П. Остров Сахалин / А.П. Чехов. — Москва : Худож. лит., 1989. — 448 с.
3. Дорошевич В.М. Сахалин. (Каторга) / В.М. Дорошевич. — Санкт-Петербург : Судьба, 1903. — 384 с.
4. Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур : дорож. заметки и воспоминания С. Максимова / С.В. Максимов. — Санкт-Петербург : Изд. С.В. Звонарева, 1871. — 594 с.
5. Попов Н.А. Экономическое развитие российского Дальнего Востока в XIX—начале XX вв. / Н.А. Попов. — Ленинград : Лениздат, 1980. — 384 с.
6. Сердюк М.Б. Угольная промышленность Сахалина (1867–2007) / М.Б. Сердюк. — Южно-Сахалинск : Диалог, 2007. — 320 с.
7. Coquin F.-X. La Sibérie: peuplement et immigration paysanne au XIXe siècle / F.-X. Coquin. — Paris : Editions du CNRS, 1969. — 352 p.
8. Быструшкин А.Ю. Государственная политика и частный капитал в сфере развития угольной промышленности на Дальнем Востоке во второй половине XIX в.-20-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.Ю. Быструшкин. — Комсомольск-на-Амуре, 2010. — 212 с.
9. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки, до конца XIX в. / А.И. Алексеев. — Москва : Наука, 1982. — 352 с.
10. Костанов А.И. Освоение Сахалина русскими людьми / А.И. Костанов. — Южно-Сахалинск : Дальневост. кн. изд-во, Сахалин. отд-ние, 1991. — 152 с.
11. Распопина А.А. Сибирские транспортные коммуникации во второй половине XIX в.: геополитическая экономика / А.А. Распопина. — DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(2).354-388. — EDN QGSOUS // Историко-экономические исследования. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 354–388.
12. Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII—1917 г.) / А.В. Алепко. — Хабаровск, 2001. — 368 с. — EDN PXHCZL.
13. Поткина И.В. Законодательное регулирование частной промышленной деятельности в Российской империи в последней трети XIX — начале XX веков / И.В. Поткина. — Москва : Изд-во Ин-та рос. истории РАН, 2000. — 236 с.
14. Кораблин К.К. Каторга на Сахалине как опыт принудительной колонизации / К.К. Кораблин. — EDN HOHSZN // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. — 2005. — № 2 (120). — С. 72–83.
15. Слюнин Н.В. Современное положение Дальнего Востока / Н.В. Слюнин. — Санкт-Петербург : Тип. М-ва фин, 1908. — 352 с.
16. Тютюева М.В. История формирования и развития угольной промышленности на Сахалине: середина XIX в. — 1945 г. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М.В. Тютюева. — Южно-Сахалинск, 2003. — 212 с. — EDN NMMIOZ.
17. Синиченко В.В. Влияние иммиграционной политики правительства России на социально-экономическое развитие Дальнего Востока страны: 1856–1917 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / В.В. Синиченко. — Иркутск, 2005. — 518 с. — EDN NNSVCH.

REFERENCES

1. Dyakonova I.A. *Oil and coal in the energy sector of Tsarist Russia in international comparisons*. Moscow, Nauka Publ., 1999. 368 p.
2. Chekhov A.P. *Sakhalin Island*. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1989. 448 p.
3. Doroshevich V.M. *Sakhalin. (Penal servitude)*. Saint Petersburg, Sudba Publ., 1903. 384 p.
4. Maksimov S.V. *In the East. Trip to Amur*. Saint Petersburg, S.V. Zvonarev Publ., 1971. 594 p.
5. Popov N.A. *Economic development of the Russian Far East in the 19th—early 20th centuries*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1980. 384 p.
6. Serdyuk M.B. *Sakhalin Coal Industry (1867–2007)*. Yuzhno-Sakhalinsk, Dialog Publ., 2007. 320 p.
7. Coquin F.-X. *La Sibérie: Peuplement et Immigration paysanne au XIXe Siècle*. Paris, Editions du CNRS, 1969. 352 p.
8. Bystrushkin A.Yu. *State policy and private capital in the development of the coal industry in the Far East in the second half of the 19th century—the 20th century*. Cand. Diss. Komsomol'sk-na-Amure, 2010. 212 p.

9. Alekseev A.I. *Russian Russian people's exploration of the Far East and Russian America, until the end of the 19th century..* Moscow, Nauka Publ., 1982. 352 p.

10. Kostanov A.I. *The development of Sakhalin by Russian people.* Yuzhno-Sakhalinsk, Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991. 152 p.

11. Raspopina A.A. Siberian Transport Communications in the Second Half of the 19th Century: Geopolitical Economy. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics*, 2022, vol. 23, no. 2, pp. 354–388. (In Russian). EDN: QGSOUS. DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(2).354-388.

12. Alepko A.V. *Foreign Capital and Entrepreneurship in the Russian Far East (the Late 18th Century – 1917).* Khabarovsk, 2001. 368 p. EDN: PXHCZL.

13. Potkina I.V. *Legislative regulation of private industrial activity in the Russian Empire in the last third of the 19th – early 20th centuries.* Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000. 236 p.

14. Korablin K.K. All-Russian Penal Servitude in Sakhalin Island as an Experience of Compulsory Colonization of the Russian Far East in the Second Half of the XIX Century—Early XX Century. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN = Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2005, no. 2, pp. 72–83. (In Russian). EDN: HOHSZN.

15. Slyunin N.V. *The current situation in the Far East.* Saint Petersburg, Ministerstvo finansov Publ., 1908. 352 p.

16. Tetyueva M.V. *History of the Formation and Development of the Coal Industry on Sakhalin: mid-19th Century – 1945.* Cand. Diss. Yuzhno-Sakhalinsk, 2003. 212 p. EDN: NMMIOZ.

17. Sinichenko V.V. *The impact of the Russian Government's immigration policy on the socio-economic development of the country's Far East: 1856–1917.* Doct Diss. Irkutsk, 2005. 518 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Викторович Синиченко – доктор исторических наук, профессор, советник при ректорате. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. Researcher ID: AAZ-1100-2020; SPIN-код: 6224-4574.

Вероника Вячеславовна Зудаева – старший преподаватель. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110. Researcher ID: PEX-2964-2025.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Sinichenko – Doctor of Historical Sciences, Professor, Advisor to the Rector. Baikal State University. 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russia. Researcher ID: AAZ-1100-2020; SPIN-код: 3689-3807.

Veronika V. Zudaeva – Senior Lecturer. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russia. Researcher ID: PEX-2964-2025.

Поступила в редакцию / Received 06.04.2026

Доработана после рецензирования / Revised 30.04.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026